1581—1981 400-летию вхождения Сибири в состав государства Российского посвящается

Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном.

М. В. Ломоносов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

вып. ххіу

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» Главная редакция восточной литературы Москва 1982

О.-М. Клаассен (Тарту)

ЭСТОНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ АНДРЕС СААЛЬ В СУРАБАЕ, ИНДОНЕЗИЯ (1898—1902)

В истории эстонской культуры второй половины XIX столетия оставила свой яркий след целая плеяда интересных и разносторонних деятелей. Среди них был и Андрес Сааль — историк, педагог, журналист, автор ряда популярных исторических повестей, опытный фото- и цинкограф. Сааль — первый эстонец, долгое время — с 1898 по 1920 г. — живший на Яве, сначала в Сурабае, потом в Батавии (Джакарта), где он изучил быт и культуру индонезийцев, их экономику и политику. Талантливый публицист, он знакомил эстонских читателей с жизнью далекой тропической страны.

Биография и творчество А. Сааля сравнительно мало исследованы. Упоминание о нем мы встречаем лишь в обзорах истории эстонской литературы [48, с. 503-504; 49, с. 282-288; 59, с. 275—291]. В 1931 г. литературовед О. Ургарт напечатал статью о его жизни и творчестве, приуроченную к 70-летию писателя [63, с. 305—311, 367—373]. В 30-х годах XX в. к изучению жизненного пути и творческого наследия А. Сааля приступил тогдашний студент, позднее доцент Тартуского государственного университета, кандидат философских наук Э. Коэметс. Он собрал богатый фактический материал, на основании которого написал работу 1. В связи со 100-летием со дня рождения А. Сааля в 1961 г. Коэметс опубликовал две статьи в эстонской советской периодике [52, с. 267—278; 53, с. 784—789]. Большие рабочие перегрузки и преждевременная смерть (он умер в 1973 г. в возрасте 62 лет) помешали ему закончить исследование.

Изучением жизненного пути и творчества А. Сааля занимались и другие советские исследователи. Доктор филологических наук Э. Нирк написал обзорные статьи для второго тома «Ис-

 $^{^{1}}$ Сообщено А. Коэметсом в беседе с автором статьи 4 июня 1979 г.

тории эстонской литературы» [45, т. II, с. 484—493] и для «Биографического лексикона эстонской литературы» [47], а также статью в «Краткой литературной энциклопедии» [40]. Аналогичный обзор был сделан доктором филологических наук профессором В. Алттоа [46]. Деятельность А. Сааля как фотографа изучал П. Тооминг [62]. Под руководством доктора филологических наук профессора Ю. Пеэгеля в Тартуском государственном университете были написаны две дипломные работы, касающиеся отдельных аспектов жизни и деятельности А. Сааля [5; 60].

Однако обстоятельное, всестороннее изучение жизни и творчества А. Сааля еще впереди. Для этого имеется достаточно возможностей (интересный архивный материал, опубликованные корреспонденции, заметки, статьи самого А. Сааля, его хуложественные произведения).

Жизнь и деятельность А. Сааля в 1861—1897 гг. А. Сааль родился 9 (21) мая 1861 г.² на северной окраине тогдашней Лифляндской губернии, в Ториском приходе 3, в краю лесов и болот. Здесь, на родительском хуторе Лааси, он провел свое детство и юношеские годы. Сааль был способным и любознательным ребенком и уже в пятилетнем возрасте умел читать и писать. Долгими зимними вечерами и по воскресеньям он часто сидел за столом, читал какую-нибудь историческую или географическую книгу и под руководством отца пытался найти в толстом атласе названия чужих городов, озер и рек [25, т. 1, с. 49—50]. Это было увлекательное занятие, оно возбуждало у мальчика интерес к далеким странам и народам.

В период учебы в Сельяской волостной школе (1871—1874) и Ториской приходской школе (1874—1878) интерес этот несколько ослаб и был вытеснен новыми увлечениями: историей, музыкой, языками. Он поражал инспектора школы своим глубоким знанием истории России [25, т. 1, с. 53]. Особенно интересовался он ранней историей эстонского народа, его борьбой против немецко-балтийских феодалов, на протяжении столетий угнетавших эстонский народ. При этом большое влияние оказал на него начавшийся в тот период подъем эстонского буржуазного самосознания (так называемое национальное пробуждение), усиливший интерес к прошлому народа, к его борьбе за свободу.

Окончив приходскую школу, А. Сааль поступил на работу учителем в Сельяскую волостную школу и проработал в ней шесть лет (1878—1884), получив в 1881 г. диплом учителя волостной школы [34, л. 10]; одновременно он принимал активное участие в общественной жизни городка Тори. Большое значение в развитии его взглядов и жизненного пути имело знакомство

³ Нынешний Пярнуский район Эстонской ССР.

² Все даты даны по старому стилю, в скобках — по новому.

с газетой демократического направления «Сакала», основанной К. Р. Якобсоном в 1878 г. Впоследствии он вспоминал, что появление газеты было «как взрыв зажигательной бомбы среди спящих» [36, л. 1].

Несмотря на то что преподавательская работа шла успешно, Сааля влекло призвание журналиста. Приобретя первоначальный опыт в качестве корреспондента «Сакалы», он в 1884 г. поступил на работу в редакцию тартуской газеты «Олевик» по приглашению издателя А. Гренцштейна [25, т. 2, с. 51—52]. Период жизни А. Сааля, связанный с работой в редакции «Олевик»,— 1884—1897 гг., с перерывом в 1890—1892 гг.—был очень напряженным как в трудовом, так и в творческом отношении. Наряду с журналистской работой он продолжал педагогическую деятельность (до 1891 г.). Свои знания он пополнял в Тартуском университете (1886—1889), интересовался философией, археологией, историей и другими науками. Много времени отдавал он также певческому обществу «Ванемуйне» и принимал активное участие в деятельности Общества эстонских писателей.

В эти годы А. Сааль завоевал большую популярность своими беллетристическими работами, главным образом историческими повестями, увлекавшими читателей не только захватывающим сюжетом, но и своей политической направленностью. Особенно популярна была трилогия «Вамбола», «Айта» и «Лейли» (1889—1893), повествующая о завоевании крестоносцами ливов и эстов в XII—XIII вв. Наряду с беллетристическим творчеством А. Сааль опубликовал в те годы несколько книг чисто исторического содержания и ряд переводов с немецкого и русского, в том числе «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева [45, т. II, с. 483—491].

По распоряжению губернатора Эстляндии князя С. В. Шаховского (1885—1894) публикация исторических повестей была запрещена. Это было для А. Сааля большим ударом. Ограничение писательской деятельности, а также личные мотивы привели А. Сааля в 1892 г. в Германию и Австрию. В Грёненбахе (Бавария) и в Вене он изучал фото- и цинкографию, но не соблазнился возможностью остаться за границей и в 1895 г. возвращается в газету «Олевик» (опять по предложению А. Гренцштейна) [24, с. 626], где совмещает журналистскую работу с профессией цинкографа до 1897 г. Своей деятельностью А. Сааль способствовал развитию эстонской журналистики, он также приобрел богатый опыт, сыгравший в его дальнейшей жизни существенную роль.

Отъезд на Яву. Осенью 1897 г. А. Сааль получил через посредничество школы в Грёненбахе предложение поехать в качестве цинкографа на остров Ява — центр тогдашней Голландской Индии. 29 октября того же года он выехал из Тарту [58, 6.XI.1897].

Какие же мотивы побудили А. Сааля принять это предложение и отправиться на длительный срок так далеко, в совершенно незнакомую ему страну? Сам он не объяснял подлинных причин своего решения, намекая лишь на страсть к путешествиям [37, л. 15] и на существовавшие для него в Эстонии экономические трудности [35, л. 3]. К. Э. Сеэт упоминал о его разочаровании в возможностях и перспективах газеты «Олевик» [33, л. 66]. Э. Коэметс связывал выезд А. Сааля за границу с изменением профессии: в Эстонии перспектив для цинкографа не было [53, с. 25]. Другие объясняли причины отъезда любознательностью А. Сааля [56] и личными мотивами [33, л. 73]. Видимо, правильнее видеть причину в совокупности разных факторов.

Для пополнения своих познаний в методах репродуцирования фотографий и фототипии А. Сааль отправился в Германию. Во Франкфурте-на-Майне он проработал почти полтора месяца (с 15 ноября по 23 декабря 1897 г.) в научно-экспериментальной лаборатории фирмы «Климш и К°» [31, л. 1]. 21 декабря 1897 г. через посредничество этой же фирмы он заключил договор с сурабайским акционерным обществом «Е. Фюри и К°», действовавшим в восточной части Явы, согласно которому он стал служащим общества по репродукции фотографий, цинкографии и фототипии, а также руководителем соответствующих отделов. По контракту он должен был получать 300 гульденов в месяц, а через некоторый срок — 400 гульденов. Начало службы установлено 6 января 1898 г., день, когда А. Сааль должен был в Генуе вступить на корабль, отплывающий на Яву [30, л. 1—3].

Морское путешествие на корабле «Принцесса София» по Средиземному морю, через Суэцкий канал, Красное море и Индийский океан было для него огромным наслаждением и источником познания. Все здесь было новым и интересным, все надо было запечатлеть в памяти и изложить на бумаге для своих друзей в Эстонии. Так появились путевые заметки «С реки Эмайыги к экватору», начатые им уже во Франкфурте-на-Майне в ноябре 1897 г. и опубликованные в 26 номерах газеты «Олевик» в 1897—1898 гг. [3].

На корабле, где большинство пассажиров были голландцы, а обслуживающий персонал индонезийцы, А. Сааль сделал свои первые серьезные наблюдения относительно проблем, ожидающих его на Яве. Его наводили на размышления, с одной стороны, голландские молодые люди, которые ехали на о-в Суматра, чтобы принять там участие в подавлении освободительной борьбы аческого народа 4, а с другой — индонезийцы, двигавшиеся на корабле как тени, но «чьи глаза могли гневно сверкать при

⁴ В 1873 г. народ аче, населяющий Северную Суматру, поднял восстание против голландского вторжения; восстание переросло в длительную, более чем 30-летнюю войну (см. [43]).— Примеч. ред.

малейшей несправедливости». А. Сааль пришел к убеждению, что при первом толчке эта скрытая вражда может вспыхнуть ярким пламенем [3, 1898, с. 349].

Морское путешествие в Индонезию продолжалось свыше трех недель. Утром 30 января корабль прибыл в Паданг, портовый город на западном побережье Суматры. Глазам А. Сааля открылась вся красота тропической природы, «вздымающиеся к облакам утесы, сплошь покрытые цветочным ковром»,— картина, которая, как живая, стояла перед его глазами еще спустя 18 лет [28, л. 6]. Из Паданга путешествие продолжалось вдоль побережья Суматры, затем через Зондский пролив, где внимание Сааля привлек сейчас мирно спящий, но 15 лет тому назад своим извержением потрясший мир вулкан Кракатау. 2 февраля 1898 г. корабль прибыл на рейд Батавии.

Первые месяцы на Яве. В Батавии, встретившей вновь прибывших празднествами китайского населения, отмечавшего новый год по традиционному календарю [6, с. 275—276], А. Сааль задержался недолго. Уже на следующий день он отправился в Сурабаю. По пути он посетил в Бейтензорге знаменитый ботанический сад и сделал попытку в Сукабуми поближе подойти к вулкану Пангранго; однако восхождение на вулкан требовало расходов на проводника, которые были для него затруднительны. В Суракарте Сааль совершил экскурсию по городу, полюбовался на кратон (дворец сусухунана 5, посетил мечеть, а 10 февраля приехал в пункт назначения — Сурабаю.

Сурабая к концу XIX в. претендовала уже на звание большого города 6. Сурабая была крупным торговым центром; гавань и устье реки Калимас кишели судами. На улицах царило оживленное движение. В то же время сами улицы, городские

парки и сады находились в заброшенном состоянии.

Однако Сааль сразу увидел, что более или менее нормальные условия жизни были лишь у тех, кто жил здесь на доходы, полученные от ограбления коренного населения: голландских колониальных чиновников, немецких предпринимателей, арабских и китайских торговцев и ростовщиков и т. д. Большинство индонезийцев жило в Сурабае в крайней бедности. В индонезийских кварталах города царили нищета и голод; многие бедняки даже не имели крова. Особенно усложнял положение недостаток питьевой воды. Уже целое столетие, писал А. Сааль с возмущением, Сурабая остро нуждалась в воде, однако колониальные власти ничего не предпринимали для решения этой проблемы. Они не хотели затратить 60 млн. гульденов, чтобы провести трубопровод, направляющий с гор свежую питьевую воду

⁵ Сусухунан — традиционный титул правителя княжества Суракарта на Центральной Яве. — *Примеч. ред.*

⁶ По официальным данным, в ней в 1897 г. проживало 142 980 человек, из них 121 075 индонезийцев, 12 133 китайца, 6988 европейцев, 2784 прочих [61, с. 900].

в город. Вместо этого они мирились с «услугами» китайских торгашей, которые зачастую вместо воды колодезной продавали процеженную речную воду р. Калимас, в устье которой стоит город, способствуя тем самым распространению болезней [7, с. 858; 17, с. 1238]. Лишь зажиточные граждане города не страдали от недостатка питьевой воды — они пили минеральную воду, вино и виски. А. Сааль писал с негодованием: «Где только обоснуется торговец, там царит погоня за наживой, когда совершенно не считаются с интересами общества. Здесь это живо чувствуется» [6, с. 373]. Позднее Сааль назвал Сурабаю «знаменитым рассадником эпидемий», «городом крокодилов» [58, 10.X.1925].

По прибытии в Сурабаю А. Сааль поселился в гостинице для европейцев и разыскал типографию фирмы «Е.Фюри и К°». Выяснилось, что на первых порах ему почти нечего было делать, так как некоторые машины, выписанные из Европы, еще не прибыли на место [26]. Со свойственной ему энергией он поспешил использовать свободное время на знакомство с о-вом Ява, его населением и жизнью.

А. Сааль не смог удержаться от искушения посмотреть на активно действующий вулкан Ламонган на Восточной Яве. Семичасовая поездка на поезде, ночевка в маленьком городке Лумаджанг, затем полчаса езды на рикше от крошечной станции Клаках — и утро 13 февраля застало его у подножия вулкана, вздымавшегося на высоту 1671 м [6, с. 423, 444]. Он был потрясен разрушительной работой вулкана. «Прекрасный, родной эстонский язык, взращенный под тихий лепет берез и мирное журчание ручейка, ты, столь богатый для описания ласковой природы, — здесь я не нахожу слов, чтобы описать картину, стоящую перед глазами», — писал он в газету «Олевик» [6, с. 464]. В окрестностях Лумаджанга он сделал много фотоснимков [6, с. 487].

Впечатления от этой поездки были настолько сильны, что несколько месяцев спустя он предпринял поход на находящийся в том же районе вулкан Валиранг [5]. Вообще вулканы обладали для него большой притягательной силой: в дальнейшем он использовал каждую возможность исследовать их вблизи, не забывая рассказывать эстонскому читателю о своих походах; с посещении вулкана Бромо в июле 1900 г. Сааль написал подробную работу «Тайны подземного мира. Вулканы Явы», извержение вулкана Келуд в мае 1901 г. он описывал в опубликованной на страницах газеты «Олевик» статье «В мире вулканов» [18], о путешествии к вулканам Гунтур и Кава Манук в сентябре 1904 г. написал «Путевые заметки о горах Явы» [23] и т. д.

Женитьба. Холостяцкая жизнь в гостинице Сурабаи вскоре убедила А. Сааля в необходимости обзавестись семейством. Кандидатку в спутницы жизни он присмотрел уже давно. Это

была Эмилия Розалия Макси, дочь купца из Тарту, девушка с артистическими наклонностями. А Сааль познакомился с ней в Эстонии примерно в 1886 г. В то время Эмми (так ее звали) была прелестной пятнадцатилетней девушкой и понравилась молодому Андресу с первой встречи. Общие увлечения — хоровое пение и катание на коньках — позволяли часто бывать вместе. Отношения углублялись, и вскоре их стали считать женихом и невестой. Однако до официального закрепления отношений дело не дошло. В 1887 г. Эмми уехала в Петербург, где она изучала живопись и музыку, позднее рукоделие и домоводство. Личные контакты молодых людей сменились перепиской, и лишь изредка А. Саалю удавалось посетить свою избранницу в Петербурге. Его брачные намерения не осуществились [53, с. 785; 33, л. 71—74].

Затем пришло неожиданное предложение с острова Явы, и А. Сааль уехал за океан. Может быть, он уже тогда надеялся, что на фоне экзотических возможностей Индонезии ему легче удастся завоевать сердце требовательной девицы Эмми? Во всяком случае, переписка продолжалась. Неизвестно, что оказалось решающим, то ли двенадцатилетнее упорство А. Сааля, то ли экзотика далекой тропической страны, привлекавшей ее натуру художника неизведанными перспективами. Но так или иначе, она приняла предложение А. Сааля и пустилась в далекое путешествие с берегов Балтийского моря в Голландскую Индию. Свадьбу справили 1 мая 1899 г.

Нездоровый климат Сурабаи, ее по-южному шумная среда и отсутствие многих привычных удобств не позволили молодой женщине так быстро акклиматизироваться, как бы ей того хотелось. Поэтому Сааль купил дом в горах, в котором жила его жена, а он лишь в конце недели приезжал, чтобы отдохнуть от

жары Сурабан и от усталости [37, л. 7].

Их брак был гармоничным, несмотря на то что между ними была разница в десять лет, да и взгляды их на многие общественные проблемы не всегда совпадали. Кипучая энергия А. Сааля, его жизненный оптимизм и умение даже в трудных условиях испытывать радость от жизни хорошо сочетались с почти аристократической выдержкой, уравновешенностью и большим тактом его жены. Осуществилось пожелание А. Гренцштейна «яванским эстонцам, по крайней мере трем, мира и здоровья» [27, л. 22]; в 1902 г. родилась дочь Регина [27, л. 44], двумя годами поэже сын Лео [32, л. 4].

Языковая проблема. Когда А. Сааль поехал на Яву, он кроме эстонского языка владел немецким и русским. Основа этих знаний была заложена еще в школе. Особенно высоко он ценил знание русского языка. Неоднократно критиковал он тех эстонских националистов с узким кругозором, которые выступали против преподавания в эстонских школах русского языка, и обосновывал необходимость его глубокого знания [13, с. 1111—

1113, 1134—1136; 22]. Расценивать обучение русскому языку как опасность для национального развития он считал глупостью [35, л. 22]. И когда по пути в Индонезию на борту «Принцессы Софии» один молодой голландец позволил себе посмеяться над звучанием русского языка, он тотчас же получил от А. Сааля

отпор [6, с. 322].

Но на Яве русский язык был ему практически малопригоден: здесь преобладали другие языки. Даже немецкий, которым он владел превосходно, на Яве не употреблялся. Сааль обратил внимание на то, что, «хотя из числа европейцев, проживающих в Сурабае, по крайней мере одна пятая — немцы, здесь не найдется ни одного немецкого общества, ни одной школы и церкви, нет даже частных вечеринок среди немцев. Ни в одной церкви не услышишь ни одной проповеди на немецком языке» [13, с. 968]. Это казалось ему странным, учитывая поведение балтийских немцев в России, и он объяснял это политикой голландских властей, стремившихся не выпустить из рук «прав первородства» [13, с. 969].

Официальным языком на Яве был голландский. «Если говорить на немецком языке по возможности неправильно и искаженно, то это будет почти голландский»,— писал он по прибытии в Индонезию [6, с. 322]. Ему пришлось в спешном порядке изучить этот язык, необходимый как на работе, в делопроизводстве с учреждениями голландской колониальной администрации, так и в общественной жизни. Знание голландского языка, которым, кстати, он овладел без особых трудностей [35, л. 3], дало ему возможность быть постоянно в курсе событий в мире, расширить круг знакомств, завязать полезные связи, найти перспективы к продвижению по службе. Однако в его записных книжках, сохранившихся с 1908—1919 гг., сравнительно мало записей на голландском языке [29].

Гораздо охотнее он изучал малайский язык, который показался ему «мягким, нежным и музыкальным» [9, с. 107]. Малайский язык был необходим прежде всего для общения с индонезийцами, для которых он был лингва франка. Одним из краеугольных камней голландской колониальной политики был принцип, что туземцы не смеют говорить на голландском языке, а с ними следует говорить только на местном языке [6, с. 531; 7, с. 879; 9, с. 85; см. также 38, с. 6]. Если яванец или любой местный житель пользовался голландским языком, это расценивалось властями как серьезный проступок, почти преступление [13, с. 870].

Однако интерес А. Сааля к малайскому языку был гораздо глубже, чем практическая необходимость. Он давал ему возможность лучше понять индонезийцев, проникнуть в неизвестный ему доселе мир их мыслей, найти новые пути подхода к правде жизни этой далекой страны. Малайский язык открыл ему путь к сокровищницам древней культуры индонезийского

народа. Сааль начал также исследовать этот язык. Первым результатом этой работы была обширная статья о малайском языке и литературе [9, с. 107]. В ней он дал краткий обзор фонетики, лексики и грамматики малайского языка, познакомил с малайской поэзией и пословицами, а также привел в своем переводе отрывки из классического средневекового произведения «Макота сегала раджа» («Корона всех королей»). Позднее исследование А. Сааля о яванском языке и литературе было опубликовано в Германии, в журнале «Азиен», выходившем при мюнхенском «Ориенталише гезельшафт» [37, л. 14].

Знакомство с яванцами и их жизнью. Начиная с первых дней пребывания в Индонезии А. Сааль убедился, что голландцы считают яванцев существами, созданными лишь для того, чтобы обслуживать европейцев, и не способными ни на что большее, так как «их дух туп и жизнь безнравственна» [13, с. 918].

Но он видел, насколько была несправедлива и не соответствовала действительности такая оценка. Подтверждение трудолюбия и талантливости яванцев он получил в типографии «Е.Фюри и К°», в которой все чертежники, печатники, писари, машинисты и другие низкооплачиваемые работники были яванцы. Он убедился вскоре, что «никто не пишет лучше и чище, чем яванец, и самые тонкие рисунки и точнейшие карты изготовляет тоже яванец» [13, с. 846]. Он описывает поразивший его факт, когда яванский мандур (бригадир) сумел организовать сборку сложной ротационной машины, не имея ее описания, а только по рисунку машины [13, с. 847].

Живя в Сурабае, А. Сааль видел высокое мастерство яванских ремесленников. Европейскому ремесленнику здесь делать нечего, писал он в своей пространной статье «Время и жизнь. Хорошее и плохое в жизни народов в наше время», так как яванец все делает лучше. «Это просто поразительно, какими примитивными инструментами он может выполнить самую сложную работу. Если он какую-нибудь вещь раньше не делал, дай ему модель, и, когда вещь будет готова, ты можешь спутать ее с моделью» [13, с. 846].

Во время своих поездок по окрестностям Сурабаи и в горы А. Сааль познакомился и с яванскими крестьянами. Уже в чисто внешнем плане его восхищение вызвали прекрасно обработанные поля, хорошо ухоженные рыбоводческие пруды, утопающие в зелени деревьев, напоминающие тенистые аллеи шоссейные дороги. Ява была словно огромный сад, в котором царила любовь к красоте и порядку [19, с. 22—23]. Мог ли народ, создавший все это, быть тупым, ленивым и неспособным? Конечно, нет! С каждой новой поездкой А. Сааль все больше убеждался, что яванские крестьяне очень трудолюбивые, честные и мирные люди, знающие свою работу и умеющие выполнять ее весьма искусно [23, с. 1568].

Его возмущали эксплуатация и унижение, которым подверга-

лись яванские крестьяне как от голландских колониальных властей, так и со стороны китайских и арабских торговцев и ростовщиков [39, л. 40]. Так, в статье «На перепутье» А. Сааль описывал скупку кофе, являвшегося правительственной монополией. Крестьянин, вырастивший кофейные зерна, тащит на себе — тяглового скота у него обычно нет — урожай на скупочный пункт, где ему за это официально полагается по 14 гульденов за пикуль (62 кг); под различными предлогами правительственный чиновник — как правило, это голландец — отказывается выплатить ему полную цену и советует тащить мешки с кофе обратно. Чтобы избежать этого и получить хоть что-нибудь из столь необходимых ему денег, крестьянин отдает кофе по 7 гульденов за пикуль; остальное идет в карман кладовщику. Само же правительство реализует скупленный кофе по 40— 50 гульденов за пикуль, получая, таким образом, 300—350% прибыли (17, 1901, с. 1238; 1902, с. 9—10]. Таким же методом пользовались китайские скупщики, получая 100—150% прибыли и более [23, с. 1569].

Критикуя позиции оппортунистов в колониальном вопросе на конгрессе II Интернационала в Штутгарте, В. И. Ленин подчеркивал, что колониальная политика буржуазии «вводит фактически рабство в колониях, подвергает туземцев неслыханным издевательствам и насилиям, "цивилизуя" их распространением водки и сифилиса» [2, с. 68]. А. Сааль видел это воочию, живя на Яве в период, когда происходило включение Индонезии в империалистическую систему эксплуатации. В первом томе «Капитала» К. Маркс, имея в виду голландскую политику в Индонезии, писал: «История голландского колониального хозяйства — а Голландия была образцовой капиталистической страной XVII столетия — дает нам непревзойденную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей» [1, с. 761]. Погоня за материальными выгодами, являвшаяся стимулом уже для первых голландцев, достигших Малайского архипелага, и разорившая экономику Индонезии во времена властвования Ост-Индской компании и системы принудительных культур продолжалась новыми методами и в период империализма.

Во многих своих работах А. Сааль сравнивал условия жизни яванцев под голландским владычеством с жизнью рабов и крепостных. Поведение голландских колонизаторов по отношению к туземцам он считал позорящим человеческое достоинство. Что же касается утверждения властей, что все яванцы «лжецы, обманщики и воры», то он считал его тяжкой несправедливостью по отношению к людям, которые в тех местах, куда не проникло губительное влияние европейской буржуазной культуры, «вовсе не знают, что такое ложь, обман и воровство». [3, 1897, с. 991]. Однако он отмечает, что яванец всегда готов обмануть колонизаторов, что являлось одной из форм протеста угнетенного народа [8, с. 506].

Положительное отношение А. Сааля к индонезийцам, искренний интерес к их жизни и работе, стремление понять их проблемы, внимательное наблюдение и разносторонний анализ явлений позволили ему понять многое из того, что голландские колонизаторы не видели, не хотели видеть или делали вид, что не замечают.

Изучение культуры. В январе 1898 г., когда А. Сааль был еще на пути к Яве, газета «Олевик» опубликовала адресованное ему открытое, но без подписи письмо; автором его был, видимо, А. Гренцштейн [55]. В этом письме выражалось мнение, что, наверное, Ява такая «ужасно необразованная» земля, где человеку умственного труда трудно жить. В ответ на это письмо летом 1898 г. А. Сааль написал статью «В объяснение или устрашение» [8, с. 506], в которой он горячо защищал древние культурные традиции яванцев и обвинял голландских колонизаторов в распространении губительного влияния европейской буржуазной цивилизации, которая принесла в Индонезию тяжелую эксплуатацию народа.

Позднее он неоднократно возвращался к теме состояния местной культуры. Его возмущало, что голландцы на протяжении нескольких столетий своего владычества ничего не сделали ни для развития местной национальной культуры, ни для насаждения европейского образования на острове Яве [9, с. 206—207]. Он понимал, что для колонизаторов тем безопаснее, чем необразованнее народ и чем дольше он таким останется [13, с. 917].

Но в конце XIX — начале XX в. потребность в канцелярских служащих, имеющих определенный уровень образования, работниках связи, квалифицированных рабочих, технических специалистах и пр. вынудила голландцев подумать о некоторых реформах [39, с. 55; 44]. Связанные с этим проблемы обсуждались в различных кругах общественности Явы, что нашло отражение на страницах яванской печати. Возбудили они интерес и у А. Сааля.

По приводимым Саалем данным, на рубеже столетий на Яве выходило 94 периодических издания, из них 78 на голландском и 16 на малайском и яванском языках. Среди периодических изданий было 30 ежегодников (все на голландском языке), 28 журналов и газет, выходивших от одного раза в месяц до одного раза в неделю (в том числе 4 еженедельника на местных языках), и 33, выходивших более часто (из них 12 на малайском и яванском языках). Кроме того, 13 журналов и прочих изданий на голландском языке выходило без определенной периодичности [16, с. 707]. Но все они были под контролем колониальной администрации или частных фирм и выражали официальную точку зрения на те или иные проблемы. Свобода печати была ограничена [64, с. 378]. Но, несмотря на это, в периодику проникало все больше критических статей. Колониаль-

ные власти считали особо опасной газету индо⁷ «Блейферсбонд», которая выступала против привилегий «чистокровных голландских аристократов» [17, с. 1165—1166].

Одной из привилегий последних было и образование. Правда во второй половине XIX столетия на Яве было открыто несколько школ, в том числе начальных, где обучались дети туземной аристократии, что отвечало нуждам голландской колониальной администрации [54, с. 26—30]. Но их практический эффект был незначителен. Правительство всячески содействовало в получении образования лишь «чистокровным голландцам». На школы, предназначенные для них, в 1900 г. было затрачено в два раза больше, чем на все остальные школы, вместе взятые [50, с. 55]. Под защитой колониальных властей на образовательной ниве действовали как исламское духовенство [20], так и христианские миссионеры, которых А. Сааль сравнивал с пауками, затягивающими молодежь в свою паутину [16, с. 708].

Отношение к голландской «элите». Поступив на работу в типографию «Е.Фюри и К°» на должность заведующего цинкографией [7, с. 879—880], А. Сааль фактически оказался в среде сурабайского «высшего общества». Внешне он принял привычный для здешних европейцев образ жизни, увлекался модным в то время велосипедным спортом, охотился со своими новыми знакомыми на кабанов, даже содержал слуг. Но он никогда не мирился с высокомерием, духовной инертностью и надменным поведением голландских колонизаторов. Он не признавал сословных различий, которые между голландцами и яванцами были «крепче, чем китайская стена» [13, с. 340].

Он испытывал уважение к яванцам, которые, несмотря на тяготы колониального режима, сумели сохранить достоинство, относились с презрением к голландской «цивилизации», неоднократно выступали против чужеземных угнетателей. Искреннее наслаждение доставил ему гнев «высшего общества» Сурабаи, которому не пришлось полюбоваться торжественной процессией, организованной в честь коронации голландской королевы Вильгельмины в начале сентября 1898 г.: вместо того чтобы пройти, как было предусмотрено, по улицам европейского квартала, шествие свернуло в яванскую и китайскую части города [4, с. 988]. С восхищением смотрел он выступления местных актеров, в которых высмеивался образ «чистокровного голландца», подчеркивались его жадность, чванство [16, с. 708]. Ему пришлось быть свидетелем того, как яванцы, проходя мимо пьяного голландского матроса, бросили ему презрительно вслед: «оранг беланда баби!» («голландская свинья») c. 506].

 $^{^7}$ И н д о — потомки смешанных браков голландцев и индонезийцев, в основном яванцев; индо стали рано выступать за автономию и даже независимость Нидерландской Индии.— Примеч. ред.

Личное мнение А. Сааля о голландцах сурабайского «высшего общества» было невысоким. Он считал их поверхностными, легкомысленными людьми, которые позволяют себе в отношении других высокомерие и грубость. Одного такого, по собственному определению А. Сааля, «полоумного голландца» он любил элить тем, что разговаривал со своим слугой на голландском языке, несмотря на запрет [7, с. 879].

Иным было отношение А. Сааля к индо. Хотя формально они и были приравнены к «чистокровным» голландцам, фактически же подвергались дискриминации. Голландские колониальные власти старались обойтись без них — все чиновники (суды, учителя, инженеры, офицеры и пр.) присылались из Голландии. Получение образования для индо было также затруднено [17, с. 1191—1192]. По мнению А. Сааля, индо являлись «силой будущего» Индонезии, так как в них объединялись жизненная стойкость коренных жителей Явы и знания европейцев [13, с. 822].

В начале 1901 г. закончился срок договора, заключенного А. Саалем и фирмой «Е.Фюри и К°» на три года. Но, согласно второму параграфу договора, срок трудовых отношений автоматически продлевался, если стороны в течение трех месяцев не отказывались от них [30, л. 1—2]. А. Сааль решил остаться в Индонезии еще на один срок, но не в Сурабае, а в Батавии.

Мы не знаем, какие причины побудили А. Сааля оставить службу у «Е. Фюри и К°» и переехать в Батавию, где он в 1902 г. получил место в отделе фотографии Топографической службы [45, т. II, с. 484]. Может быть, его привлекали перспективы государственной службы, может быть, его жене наскучили горы Восточной Явы и ей захотелось быть поближе к Бейтензоргскому ботаническому саду, может быть, были и другие причины. Каковы бы они ни были, плодотворный сурабайский период жизни и работы остался позади.

Годы, проведенные на Яве, в Сурабае, для А. Сааля были годами напряженного труда. Он работал в типографии, совершал свои многочисленные путешествия, интенсивно собирая исторический, экономический, этнолингвистический и прочий материал, много писал. К сожалению, из его частных писем родным и знакомым в Эстонию за этот период сохранились лишь немногие. Несравненно лучше обстоит дело с теми заметками, которые писались для печати: в нашем распоряжении 14 «Писем с острова Ява», 20 статей по весьма разнообразной тематике, книги, изданные в Тарту в 1903 г., — путевые заметки «Тайны подземного мира. Вулканы Явы» и роман «За свободу и родину».

Тематика и круг его литературно-публицистической деятель-

 $^{^8}$ На рубеже XIX—XX вв. три четверти граждан, говоривших на голландском языке, были индо [54, с. 12].

ности были весьма широкими. Большая часть работ была посвящена злободневным вопросам жизни Индонезии. Наряду с ними А. Сааль интересовался и борьбой буров за независимость в Южной Африке (названный выше роман и статья «Война в Трансваале» [11; 21]), Китаем, который протестовал против империалистического давления [14], миссионерской работы христианской церкви [12; 15], эстонским бытом и перспективами развития эстонцев (статья «Время и жизнь») и т. д. В сурабайский период у него появился интерес к религиям Востока и культуре Востока в целом.

Его многочисленные заметки были предназначены для расширения кругозора эстонского читателя, пробуждения в нем интереса к Голландской Индии, еще шире — к проблемам Востока вообще. Но вся огромная работа А. Сааля имела и другое, сугубо личностное значение. Она должна была помочь ему акклиматизироваться, легче переносить трудности пребывания вдали от родины, смягчить его тоску по дому. Кроме того, меньше работать он просто не умел.

Впереди его ожидал новый, гораздо более длительный — до 1920 г.— период жизни в столице колониальной Голландской Индии Батавии со всеми ее контрастами, период, который еще предстоит изучить.

Литература

- 1. Маркс К. Капитал. Т. І.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23.
- 2. Ленин В. И. Международный социалистический конгресс в Штутгарте. — Полное собрание сочинений. Т. 16.
- 3. Saal A. Emajõelt ekwatori alla.— «Olewik». 1897—1898.
- 4. Saal A. Hollandi kuninganna kroonimise pidu Jaawa saarel.— «Olewik». 1898.
- 5. Saal A. Jaawa mägedel.— «Olewik». 1898.
- 6. Saal A. Kirjad Jaawa saarelt.— «Olewik». 1898.
- 7. Saal A. Kuidas Jaawa saarel elatakse.— «Olewik». 1898.
  8. Saal A. Seletuseks ehk peletuseks.— «Olewik». 1898.
  9. Saal A. Jaawa keel ja kirjandus.— «Olewik», 1899.

- 10. Saal A. Jahile!— «Olewik». 1898—1899.
- 11. Saal A. Transwaali sõda.— «Olewik». 1899.
- 12. Saal A. Usu ja hariduse kandmine paganate sekka.— «Olewik». 1899.
  13. Saal A. Aeg ja elu.— «Olewik». 1899.
  14. Saal A. Hiina aastasada?— «Olewik». 1900.
  15. Saal A. Weel kord missioni tööst paganate seas.— «Olewik». 1900.

- 16. Saal A. Jaawa elust.— «Olewik». 1901.
- 17 Saal A. Tee lahkmel.— «Olewik». 1901.
- Saal A. Tulemägede ilmast.— «Olewik». 1901.
   Saal A. All-ilma saladused. Jaawa tulemägedelt. Jurjew. 1903.
- 20. Saal A. Islami preestrid.— «Teataja», 28.VII.1903.
  21. Saal A. Priiuse ja isamaa eest. Jurjew, 1903.
  22. Saal A. Keel ja kool.— «Teataja», 8.VI.1904.

- 23. Saal A. Reisikiri Jaawa mägedelt.— «Olewik». 1905.
- 24. Saal A. Üks kurb kohus.— «Olewik». 1913.

- 25. S a a 1 A. Memoiren. T. 1—2 (рукопись).
- 26. Литературный музей Академии наук Эстонской ССР имени Ф. Р. Крейцвальда. Отдел рукописей (далее — ЛМ), ф. 38, д. 1, л. 475.
- 27. ЛМ, ф. 113, д. 1:1.
- 28. ЛМ, ф. 113, д. 3:11.
- 29. ЛМ, ф. 113, д. 9:1—9:9.
- 30. ЛМ, ф. 113, д. 9:12.
- 31. ЛМ, ф. 113, д. 9:16.
- 32. ЛМ, ф. 113, д. 12 : 2. 33. ЛМ, ф. 113, д. 13 : 6. 34. ЛМ, ф. 116, д. 2 : 9.
- 35. ЛМ, ф. 169, д. 2:13.
- 36. ЛМ, ф. 169, д. 41:3.
- 37. ЛМ, ф. 173, д. 17:23.
- 38. Беленький А. Б. Картини дочь Индонезии. М., 1966.
- 39. Беленький А. Б. Национальное пробуждение Индонезии. М., 1965.
- 40. Нирк Э. Сааль Андрес.— Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971.
- 41. Новая история стран зарубежной Азии и Африки. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1971.
- 42. Сукарно. Индонезия обвиняет. М., 1956.
- 43. Тюрин В. А. Ачехская война (из истории национально-освободительного движения в Индонезии). М., 1970.
- 44. Цыганов В. А. Система просвещения в колониальной Индонезии и национально-освободительное движение (1900—1942). — Страны Востока. Вып. XVII. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 3. M., 1975.
- 45. Eesti kirjanduse ajalugu. T. II. Tallinn, 1966.
- 46. Eesti kirjanduse ajalugu. III. Tartu, 1946.
- 47. Eesti kirjanduse biograafiline leksikon. Tallinn, 1975.
- 48. Hermann K. A. Eesti kirjanduse ajalugu esimesest algusest meie ajani. Tartu, 1898.
- 49. Kampmann M. Eesti kirjanduseloo peajooned, II. Tallinn, 1913.
- Kerstiens T. The New Elite in Asia and Africa. A Comparative Study of Indonesia and Chana. N. Y., 1966.
- 51. Kivine P. Saali Jaava kirjade tähtsamatest probleemidest. Diplomitöö. Tartu, 1963 (рукопись дипломной работы).
- 52. Koemets E. Kolonialismiprobleemist A. Saali loomingus.— Keel ja Kirjandus, 1961.
- 53. Koemets E. Saja-aastane Andres Saal. Looming, 1961.
- 54. Niel R. van. The Emergence of the Modern Indonesian Elite. Chicago -The Hague — Bandung, 1960.
- 55. N. N. Kiri reisijale.— «Olewik». 1898.
- 56. Nukk E. Andres Saali 65-ks sünnipäevaks.— «Päewaleht», 21.V.1926.
- 57. «Olewik», 15.VI.1899.
- 58. «Postimees». Tartu.
- 59. Ridala V. Eesti kirjanduse ajalugu koolidele, II. Tartu, 1925.
- 60. Sillaste A. Eesti varasem ajalehefoto. Diplomitöö. Tartu, 1979 (рукопись дипломной работы).
- 61. The Statesman's Year-Book, 1902. L., 1902.
- 62. Tooming P. Andress Saal, meisterfotograaf.— «Sirp ja Vasar». 18.VIII.1978.
- 63. Urgart O. Andres Saal 70-aastane.— Eesti Kirjandus, 1931.
  64. Vlekke B. H. M. Nusantara. A History of Indonesia. The Hague Bandung, 1959.